

Вячеслав
Каликинский

ПОСОЛ: разорванный остров

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 172

Каликинский В.

К 172 Посол: разорванный остров. – СПб.: Алетейя, 2013. – 328 с.

ISBN 978-5-91419-793-0

...Середина семидесятых годов XIX столетия. Япония, только что отказавшаяся от 300-летней политики самоизоляции, направляет в Россию послом вице-адмирала Эномото Такэаки. Первому в истории двух стран Чрезвычайному и Полномочному послу предстоит не только заложить основы дипломатических отношений – ему поручены весьма непростые переговоры с Россией по территориальному вопросу.

Посол приезжает в Санкт-Петербург с тяжелыми предчувствиями. Как отреагирует гордый и болезненно самолюбивый русский император, если узнает, что принял Верительные Грамоты посла из рук человека, который только шесть лет назад был назван государственным преступником и брошен в тюрьму за вооруженный мятеж против своего императора?

Однако по дороге в Россию у Эномото случилась встреча с молодым русским офицером...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91419-793-0

9

© В. Каликинский, 2013
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

Пролог

— **М**ишель, я хочу попросить вас кое о чем... Только пообещайте мне две вещи: во-первых, непременно выполнить мою просьбу...

— А во-вторых? — Михаил Берг, во все глаза, словно впервые открывая для себя, глядел на трогательные завитки пепельно-русых волос на тонкой девичьей шее, борясь с желанием протянуть руку и потрогать эти завитки. — Говорите, Настенька, не смущайтесь!

Михаил Карлович Берг, двадцатилетний прапорщик Сапёрного батальона, смотрел на свою невесту Настеньку с нешуточным обожанием. Он был готов исполнить любое ее желание. Готовность осчастливить весь мир свойственна всем искренне влюбленным, в эту минуту сердце прапорщика захлестнула волна безудержной щедрости.

Настенька Белецкая искося поглядела на жениха.

— Во-вторых, вы не должны надо мною смеяться, а, самое главное, не думать обо мне скверно. Как о сумасбродке, которая совсем не помнит о приличиях, а только о нарядах.

— Обещаю, Настенька!

— Нет, я и вправду не такая! Честное слово! Но у вас, Мишель, такая оказия, что удержаться просто невозможно! Так обещаете?

— Клянусь!

— Мишель, если вы и вправду, как предполагаете, попадете нынче весною в Париж, то... Не привезете ли вы мне кое-что от мэтра Ворта?

— Мэтр Ворт? А кто это, Настенька? Ваш знакомый? Родственник?

Настенька рассмеялась:

— Глупенький... Впрочем, как и все мужчины... Хотела бы я быть родственницей этого Ворта — как и все дамы и девицы Европы, наверное... Нет, мы не родственники и, к сожалению, не знакомы. Мэтр Ворт — знаменитый французский портной английского происхождения. Кутюрье, как говорят в Париже. О нем много пишут в журналах, Мишель... У него в Париже ателье, так и называется — «От кутюр». А шьет он, как пишут, не только на заказчиц, но и на манекенщиц. Ну, на девиц определенного сложения и телесной конституции, понимаете?

— Пока не очень, Настенька, — хмель от нескольких бокалов шампанского, выпитого Бергом на собственной помолвке, начал выветриваться из головы.

Невеста, мельком глянув на закрытые двери оранжереи, куда несколько минут назад специально утащила жениха, бросилась к нему на шею.

— Мишель, всего одно платье! Привезите мне только одно платье от Ворта, и у вас будет не только самая красивая, но и самая счастливая невеста во всём Санкт-Петербурге! Счастливая и благодарная, Мишель! Ну, пожалуйста! Обещайте мне!

— Ну, разумеется, разумеется — всё, что угодно, Настенька! Вот только смогу ли я угодить? — чувствуя, что от запаха волос невесты голова у него снова начинает кружиться, Берг чуть отстранился, шуточно погрозил пальцем. — Помните, я как-то сопровождал вас в «экспедицию» по галантерейным лавкам? Вы тогда, Настенька, какие-то ленты искали, или пуговицы... Право, теперь и не вспомнить!

— И что же?

Берг рассмеялся:

— Вы тогда, Настенька, какие-то дамские мелочи два часа искали, всех приказчиков в галантерейном ряду на ноги подняли,

покуда нашли... А тут целое платье! Да разве я в дамских платьях хоть что-то понимаю, Настенька? Нет, я, конечно, пойду к этому вашему Вурту, и потребую самое лучшее, не сомневайтесь! Только вот угожу ли?

— Угодите, если постараетесь, Мишель! Во-первых, я дам вам номер журнала «La mode» с изображением. И снабжу вас... Снабжу вас снятою с меня портновскою меркою — мы ведь уже помолвлены, — это вполне прилично, я думаю когда жених знает пропорции своей будущей жены, не так ли?

Сохраняя на лице добрую улыбку, Берг представил себя в некоем «дамском царстве», выбирающим нужные фасоны платьев... под насмешливыми взглядами приказчиков и посетителей, Чёрт... Неужто Настенька, такая умная девица, не понимает, что есть вещи, делать которые русскому офицеру просто неприлично? Нет, наверное, не понимает... И не поймет: услышала только про Париж, и вся уже мысленно там... Отказывать и возражать разумеется нельзя, — возьмет и вернет кольцо, с нее станется! Характер-то у моей Настеньки отцовский, железный... Ладно, поглядим...

— Ладно, поглядим, Настенька, — повторил он вслух, снова зарываясь лицом в волосы невесты.

— Обещаете, Мишель? — чуть отстранившись, Настенька подняла голову, требовательно и очень по-детски глядя ему в глаза.

— Слово военного сапёра! — шутливо шелкнул каблуками Берг.

Военная карьера прапорщика Михаила Берга началась пять лет назад, когда отец привез юношу в Санкт-Петербург. Баллов при сдаче экзаменов в Инженерное училище для зачисления не хватило, и Карл Берг, недолго сомневаясь, решил: сыну будет только полезно начать познавать службу с самых азов, со школы вольноопределяющихся.

Мише Бергу, не возражавшего против решения семьи определить его, единственного сына, по военной линии, более всего хотелось стать гвардейским офицером. А еще лучше — гвардейцем-кавалеристом — однако такие расходы для семейства Бергов оказались неподъемными. И он по примеру деда согласился стать сначала военным инженером. А когда не получилось, то сапёрное дело оказалось самым близким к семейной задумке.

Через два года Михаил Берг закончил школу вольноопределяющихся. Подал рапорт, он добыл себе место командира взвода в 7-й сапёрной роте, направляемой в Туркестан. А еще через три месяца

получил первое ранение в ожесточенной скоротечной схватке под Хивой. За ранением последовала и первая награда, потом вторая.

По завершению Туркестанской кампании Берг некоторое время прослужил при штабе наместника Государя, генерала Кауфмана. Однако мирная служба в далеком гарнизоне оказалась молодому подпоручику не по нутру. И он при первой возможности перевелся в Петербург, а там дождался вакансии в Сапёрном Лейб-гвардии батальоне, и в чине прапорщика был зачислен исполняющим должность батальонного казначея.

Мирная жизнь, хоть и в столичном гарнизоне, тяготила молодого офицера. Получив боевой опыт во время Туркестанской экспедиции Кауфмана, он и теперь был готов воевать где угодно и с кем угодно. Тем паче, что жалование младшего офицера в мирное время было мизерным, и даже не играя в карты и не пускаясь во все тяжкие, Берг часто честно делил с денщиком единственную булку с чаем и ложился спать полуголодным.

Большинство прочих младших офицеров из небогатых семей смотрели на такое положение дел философски, делали долги и рыскали по Петербургу в поисках всё новых работодателей. Берг долгов старался не делать, и подавал рапорты всякий раз, как где-нибудь на окраине империи начиналась военная «заварушка». Однако в короткую боевую командировку — снова в Туркестан — удалось вырваться только один раз, да и то на полгода. Вернувшись в батальон, Берг стал ждать новой военной оказии.

Однако новых войн у России пока не предвиделось, и 20-летний прапорщик начал подумывать о женитьбе и неизбежной, как следствие, отставке с военной службы. И тут сама судьба, кажется, пошла ему навстречу: на одном из рекомендованных господам офицерам благотворительных балов Берг был представлен единственной дочери главноуправляющего штабом Корпуса инженеров при Министерстве путей сообщения тайного советника Белецкого, Настеньке.

Отец Настеньки поначалу отнесся к новому знакомому дочери с прохладной и малоскрываемой иронией, и при первом же личном знакомстве затеял технический спор о туннельном строительстве. Однако попытка «срезать» молодого офицера-сапёра не удалась. Михаил Берг смело отстаивал свою точку зрения, а немного погодя по почте прислал Белецкому вырезки из журнальных статей, подкрепленные собственными расчетами. Приятно пораженный технической эрудицией молодого офицера, Белецкий стал всяче-

ски поощрять углубление знакомства своей единственной дочерью, а позже, убедившись в серьезности намерений молодого человека, твердо обещал будущему зятю после его выхода в отставку с военной службы достойное место в министерстве путей железнодорожного сообщения.

Словом, партия намечалась вполне достойная. Единственное, что смущало Берга — то, что его собственное семейство было отнюдь не богатым. И будущий брак с дочерью владельца огромных поместий и к тому же, как оказалось, крупного акционера в золоторудной промышленности, мог породить досужие сплетни о «женитьбе на деньгах». Но судьба и тут пошла ему навстречу: зимой отошедшая в мир иной тётушка Берга сделала его наследником вполне достаточного состояния.

И вот ранней весной 1874 года у Михаила Берга и Настеньки Белецкой состоялась помолвка. Свадьбу было решено сыграть по старорусскому обычаю, в декабре. А пока у прапорщика Берга случилась неожиданная, но приятнейшая командировка: командир батальона князь Кильдишев назначил его и еще двух офицеров в сопровождение на лечебные воды в Швейцарию команды выздоравливающих раненых. Сопровождающим было неофициально разрешено использовать недельный отпуск для поездки в Париж. Узнав об этом, Настенька не смогла удержаться и немало озадачила жениха необычным своим поручением, от которого было никак невозможно отказаться!

Глава первая

Ранней весной 1874 года небольшой отряд всадников прибыл в Кагосиму, проделав длинный путь из новой столицы Японии, Токио. Пешие воины, сопровождавшие всадников, бежали впереди кавалькады и разгоняли с пути кланяющихся простолюдинов — ремесленников и торговцев.

У ворот огромного дома военного министра страны Сайго Такамори, год назад вышедшего из правительства, но сумевшего сохранить за собой пост главы военного ведомства, небольшой отряд задержался ненадолго: стража министра была заранее предупреждена об этом визите и получила приказ встретить гостей с почтением.

В покои военного министра, впрочем, вошли только двое из приезжих — министр финансов Окуба Тосимити и самый влиятельный член кабинета министров от клана Тосо, Сасаки Такаюки. Слуги отвели их в помещение для гостей, усадили за низкий столик, женщины-прислужницы начали угощать их чаем. По принятому обычаю, помещение было практически пустым. Кроме столика, в комнате было лишь китё¹. Примерно через час, сочтя отдых при-

---

¹ Предмет убранства традиционной японской комнаты в богатых домах — сооружение из двух столбиков с перекладиной, на которую вешались разноцветные шелковые ленты — **здесь и далее примечания автора.**

езжих достаточным, Сайго пригласил их на свою половину. Здесь после церемонии приветствий хозяин дома и его гости вновь очутились за низким столиком, возле которого тут же засуетилась молчаливая прислуга.

Дав гостям немного подкрепиться и выпив с ними несколько чашечек сакэ, Сайго, наконец, с еле уловимой долей иронии поинтересовался:

— Как здоровье Тэнно¹?

— Император жив и здоров, Сайго-сан. Он по-прежнему проводит почти всё свое время в окружении своих фрейлин², неумоимо пишет весьма посредственные стихи, пьет вино франкских варваров, а по утрам, мучаясь от последствий неумеренного винопития, пытается заниматься селекцией новых сортов японского ириса.

Хозяин скривил губы в легкой усмешке и кивнул: он услышал от гостей то, что и хотел услышать. Чего еще было ожидать от этого полукровка, прижитого прежним императором Комэем не от законной супруги-императрицы, а от одной из своих наложниц³? Божественности происхождения молодого императора это, разумеется, не убавляло, но почти всегда давало повод позлословить.

— Что же нынче привело вас, уважаемые Окуба-сан и Сасаки-сан, в мое скромное жилище?

Гости переглянулись, помолчали, потом, согласно этикету, начал говорить более влиятельный и богатый выходец из клана Сацума, Окуба Тосимити:

— Как вы знаете, Сайго-сан, у нового правительства много дел и забот. Кровавые клановые распри, крестьянские бунты породили в стране голод. Нынче войска, по минованию в них надобностей и для экономии казённых средств, распущены по домам, а воины пополнили число голодающих. По всей Японии бродят шайки вчерашних

---

¹ Почтительное именование японского императора.

² Фрейлин, дочерей видных японских аристократов, при дворе императора Японии было около трехсот. Все они пользовались огромным влиянием — как и их отцы, сумевшие «пристроить» дочерей. Фрейлины Мэйдзи обладали большой властью при императоре, и вполне могли не допустить ко двору неугодного им человека.

³ Мать его действительно была наложницей императора Комэя. Сразу после рождения младенца окунули в Родник Божественной помощи и все время окружали почтительным вниманием. Новорожденного нарекли Ситино Мийя. По достижению 8 лет он был официально усыновлён императрицей и провозглашён Наследным принцем с именем Мацухито Синно. Позже он получил коронационное имя Мэйдзи (просвещение).

солдат. Они убивают и грабят, что еще больше возмущает население против нового правительства.

— Уважаемый друг, зачем вы мне всё это рассказываете? Неужели вы полагаете, что, сменив столицу на тихое сельское убежище, я живу здесь с плотно зажмуренными глазами и заткнутыми ушами? Генерал Курода Киётака еще осенью прошлого года показывал мне меморандум, который собирался представить нашему юному императору. Генерал — смелый человек: он не побоялся указать императору на катастрофическое положение в стране. В своём меморандуме он прямо заявил, что нынешние реформы не способствуют созданию могущественного государства, перечислил имена десятков высших чиновников, живущих в непозволительной роскоши в то время, когда их крестьяне голодают. Мало того: чиновники нового правительства пренебрегают своими прямыми обязанностями, проводят время в праздности и развлечениях. Это вызывает ненависть к правительству, и порождает разочарование в самом императоре, недоверие к его планам и новым реформам. Скажите, Окуба-сан, вы сами-то знаете, сколько насчитывается нынче бунтующих селений и целых провинций?

— На сегодняшний день мы имеем сведения о более чем восьмидесяти бунтах, вспыхнувших с весны прошлого года, Сайго-сан. Но и это ещё не все наши беды, высокогородный господин! Англия, Франция и Голландия требуют незамедлительно возврата долгов, порожденных навязанными ими же кабальными торговыми договорами с нашей бедной страной. Миссия Ивакуры Томоми в Европе и Америке провалилась: их аргументы против неравноправных договоров не были даже услышаны! Ваш план военной экспедиции в Корею император и те, кто подобострастно заглядывает ему в рот, был отвергнут. К тому же Россия, как вы помните, Сайго-сан, категорически отказалась пропустить наши войска к границам Кореи через свою территорию. Отказалась — хотя мы прямо заявили их посланнику, что только в этом случае вопрос о принадлежности Северного Эдзо может быть решен в их пользу. Именно по этому поводу мы и прибыли к вам нынче, Сайго-сан!

— Вот как? — усмехнулся министр. — Но я не любитель вести какие бы то ни было переговоры, неужели вы забыли об этом?

— Мы уверены в вашей прямоте и несгибаемости, высокогородный! Однако переговоры по принадлежности Северного Эдзо позволят нам добыть одной стрелой сразу двух журавлей, Сайго-сан!

— Вот как? — снова усмехнулся хозяин дома.

— Да, именно так! — с жаром закивал Окубо Тосимити. — Как вы знаете, начало этих переговоров наше правительство оттягивает уже много лет. И откладывать их далее уже невозможно. В конце концов, неурегулированный территориальный вопрос начинает мешать и Японии!

— Тогда почему наш министр иностранных дел Соэдзима просто не купит этот остров по примеру Америки, купившей недавно у России Аляску? — захохотал Сайго. — Он не единожды предлагал это России, насколько я знаю!

Гости мимолётно переглянулись: министр явно начал резвиться.

— Россия никогда не принимала подобных предложений от него всерьёз, Сайго-сан! Там не хуже нас знают, что у Японии просто нет денег на подобную сделку! Какой остров — мы не можем нынче позволить себе заказать в Америке или Голландии даже пары пароходов! Откровенно говоря, Сайго-сан, — Окубо доверительно понизил голос. — Откровенно говоря, лично мне переговоры по этому острову кажутся излишними! Мы можем с помощью западных держав просто продолжить его колонизацию. Россия на своих восточных рубежах слишком слаба, чтобы противостоять нам в этом! Тем не менее, переговоры скоро начнутся!

Сделав паузу, Окубо Тосимити многозначительно замолчал. И военный министр клюнул на эту наживку! Выпив еще чашечку сакэ, Сайго деланно вздохнул:

— По-видимому, я и впрямь засиделся в провинции, и перестал что-то понимать в политике. Вы утверждаете, что переговоры не нужны, но собираетесь их начать. Позвольте узнать — для чего?

— Для того, чтобы использовать сам факт переговоров в нашу пользу, Сайго-сан! Решение уже принято, и теперь министру внешних связей надлежит представить императору на утверждение имя человека, который должен отправиться в столицу северных варваров, чтобы провести переговоры по принадлежности Северного Эдзо. Посланник оросов¹ в нашей стране нервничает и теряет терпение, — тонко улыбнулся Окубо Тосимити.

— Какое мне дело до нервов и терпения этого чужестранца? — Сайго пожал плечами и коротко глянул на прислужницу, замершую с кувшинчиком сакэ в ожидании знака. Женщина тут же грациозно

---

¹ Так в Японии того времени называли русских.

опустилась на колени и с поклонами снова наполнила чашечки гостей теплой японской водкой.

— Разумеется, Сайго-сан, вам нет и не может быть до этого дела. Я сказал вам, что сам факт переговоров, как путь решения давнего территориального спора может принести немалую пользу нашей партии. Я буду совершенно откровенен: как вы знаете, Сайго-сан, ситуация в стране пока не в нашу пользу, и любая попытка отстранить от власти императора Мацухито с помощью военной силы на провал. По крайней мере, обречена в ближайшее время, — поспешно поправился Окубо. — Но тоже самое можно сделать и руками северных варваров, оросов, на будущих переговорах с ними.

— Вот как? До сих пор оросы, в отличие от американцев и французов, ведут с нашей страной весьма сдержанную, подчеркнуто уважительную политику. Они не посылают к нашим берегам свои военные корабли, не заставляют Японию под дулами своих пушек заключать унижительные для нее соглашения. Неужели этот остров, Северный Эдзо¹, имеет для них столь огромное значение? Я не раз видел карту Российской империи: их страна столь огромна, что небольшой остров в форме рыбы выглядит рядом с империей как маленький воробей, сидящий на ветвях векового дуба...

— Ценность и значение Северного Эдзо определяется для оросов не его размерами, достопочтимый Сайго-сан. Что же касается Японии, то одни только рыбные промыслы этого острова имеют огромное значение для японских крестьян. Оттуда, с севера, в нашу страну поступает почти треть рыбного тука, столь ценного для высоких урожаев риса. Кроме того, на Северном Эдзо есть огромные запасы угля. Но дело, повторяю, даже не в этом. И не в чисто военном, стратегическом значении острова.

— Тогда в чем же?

— Как вы знаете, Сайго-сан, наше правительство до сих пор не может определиться с кандидатурой посланника к оросам. Япония слишком бедна людьми, знакомыми с нравами и обычаями Европы, имеющими необходимые знания в области международного права. Мы слишком долго находились за бамбуковым занавесом, отделяющим нас от остального мира варваров, Сайго-сан!

— И что же в том было плохого, Окуба-сан?

---

¹ Японское название Сахалина.

— Разумеется, ничего! — поспешно согласился гость. — Самоизоляция нашей страны в прошлом может сыграть нам на руку и нынче, и в будущем!

— Выражайтесь яснее, Окуба-сан! — начал терять терпение военный министр.

— Слушаюсь, высокородный! — гости, синхронно привстав, глубоко поклонились. — Мы почтительнейше просим вас, Сайго-сан, рекомендовать императору назначить полномочным посланником к оросам хорошо знакомого вам Энмото Такэаки.

Если военный министр и удивился, услышав это имя, то виду не подал. Скорее, наоборот: он меланхолично и чуть заметно кивнул, словно услышанное совпало с его ожиданиями, и взялся за хаши¹. Подцепив ими сочный кусок жареного на вертеле угря, хозяин положил его в рот, пожевал и откинулся на пятки, уперев чуть согнутые руки в бедра.

Энмото Такэаки, Энмото... Конечно, ему было знакомо это имя! Второй сын в семье хатамото — самураев, приближенных сёгунами дома Токугавы к себе за доблесть. Наличие в семье первенца, по древним законам, существенно ограничивало второго сына в правах наследования на титул и имущество, ему приходилось рассчитывать только на себя. И 17-летний Такэаки отправился из родного Эдо в Нагасаки, где поступил на учебу в военно-морскую школу, открытую там голландцами. Едва закончив ее, он тут же получил приглашение преподавать там же — уже в качестве сансэя, учителя своих вчерашних сверстников. А вскоре Энмото в числе небольшой группы способных молодых мореплавателей был направлен в Голландию, где прежнее правительство Бакуфу заказало военный пароход, первый в Японии. Стажерам вменялось не только наблюдать за ходом постройки и вникать в секреты голландских корабелов, но и постигать многие незнакомые в Японии европейские науки. Через шесть лет стажеры с триумфом вернулись в Японию на борту военного парохода, названного «Кайё мару», и Энмото тут же получил его под свое начало вместе с чином капитана первого ранга и постом заместителя министра военно-морского флота.

Карьера молодого самурая, казалось, стремительно пошла в гору, но вскоре столь же стремительно завершилась. Верный правительству Бакуфу и клану сёгуна Токугавы, Энмото при реставрации

---

¹ Палочки для еды.

власти императора примкнул к его противникам, поднял мятеж и увёл «Кайё мару» и семь вспомогательных кораблей на Эдзо. Туда же начали стекаться сторонники сёгуната. Остров вполне реально мог стать не только мощным форпостом оппозиции императорской власти, но реальной угрозой этой власти...

Задумавшийся военный министр отправил в рот второй кусочек угря и, наконец, чуть приподнял тяжелые веки в сторону гостей:

— Этот Эномото, захватив Эдзо, но проиграв битву при Горё-каку, должен был, как истинный самурай, с почетом уйти из жизни. Однако он предпочел позор суда и тюремного заключения. Это выше моего понимания, Окуба-сан! Вернее, вне моего понятия о долге и чести самурая. Его лишили воинского чина и всех привилегий, полагающихся его сословию. И теперь вы, Окуба-сан, советуете *мне* рекомендовать императору его кандидатуру для назначения его Полномочным послом? Воистину, император может подумать, что его военный министр, предлагая такое, просто сошел с ума...

— Новые времена требуют новых решений, Сайго-сан! К тому же, этот Эномото, что ни говори, один из самых образованнейших японцев и единственный в нашей стране человек, знакомый с международным правом европейских держав!

— Пусть так, Окуба-сан! Хотя, по моему убеждению, никакие знания и заслуги не оправдывают позора самурая, забывшего законы предков. Наверное, всему виной долгое проживание вне Японии, среди варваров. Пусть так — но ведь в глазах императора Эномото всё равно продолжает оставаться вчерашним мятежником, государственным преступником. Если бы не заступничество генерала Курода Киётака, он был бы давно казнён! Эномото, как мне помнится, отбыл в тюрьме три года, и вышел оттуда опять-таки благодаря заступничеству генерала! Тэнно, разумеется, молод и неопытен. И к тому же, пьет слишком много франкского вина, а напившись, только и делает, что гоняется с расстегнутыми штанами за фрейлинами. Однако даже такой легкомысленный мальчишка вполне способен сообразить, что вчерашнего мятежника и государственного преступника лучше держать подальше от столицы — вот его и отправили на Эдзо, управляющим этой далекой провинции. Нет, вряд ли у нашего императора достанет ума послать Эномото представлять интересы Японии у варваров!

Помолчав, Сайго бросил на гостей испытующий взгляд:

— Разумеется, я помню, Окуба-сан, что, уведя практически всю эскадру на Эдзо и захватив остров, Энмото, как и подобает преданному вассалу клана Токугавы, почтительно предложил ему и этот остров, и его семитысячный гарнизон. А Токугава, разумеется, отказался — но не из великого почтения к мальчишке-полукровке, как вы понимаете! Затея Энмото была изначально безнадежной. У Эдзо как независимой территории, просто не было будущего... Да, мне по душе такие люди, как Энмото — за его верность. Но как моя рекомендация будет расценена в Токио? Во дворце сразу начнут шушукаться о том, что Сайго сошел с ума, раз просит за человека из враждебного клана! Или наоборот: станут гадать — какие тайные замыслы у меня в голове? И откажут мне только потому, что почуют подвох! К тому же, насколько мне известно, на должность посла в Россию намечено назначить советника Саву Набуеси...

Сасаки Такаюки бросил на министра финансов быстрый взгляд и подался вперёд, выражая готовность внести в трудный разговор и свою лепту. Окуба еле заметно кивнул, и Сасаки быстро и убежденно заговорил:

— Инициатива назначить послом Энмото будет исходить от генерала Курода, и этому никто не удивится. Все знают, что именно Курода, разгромив гарнизон под предводительством Энмото, попросил императора помиловать бунтовщика. А позже, по ходатайству Курода, тот вышел из тюрьмы и получил пост управляющего на Эдзо. Никто не увидит ничего странного и в том, что старик, питающий к Энмото поистине отеческие чувства, попросит за него в третий раз. А вы, высокородный Сайго-сан, проявите государственную мудрость, поддержав своего старого друга генерала Курода: ведь этот Энмото, как уже было сказано, нынче один из самых образованных японцев! Что же касается Савы Набуеси, то он очень болен. И не сможет поехать в Россию.

Военный министр задумчиво кивнул, но вертикальная морщина между его бровей пока не разгладилась. Едва удостоив Сасаки мимолетного взгляда, он обратился подчёркнуто к финансисту:

— А мы не забываем о самих оросах, Окуба-сан? Допустим, меня и генерала Курода услышат во дворце. Но ведь правительство оросов никогда не согласится вести переговоры государственного значения через посредство мятежника и государственного преступника, чудом сохранившего голову на плечах!

— Что касается оросов, то они, как и прочие иностранные варвары в нашей стране, ничего не знают о прошлом Эномото! Я специально наводил справки, Сайго-сан: нынче в Японии нет ни одного иностранного дипломата, который был бы свидетелем мятежа Эномото! А также последующих событий разгрома мятежников, императорского суда и заточения Эномото в тюрьму. И выпущен он был оттуда без всякого шума: в огласке помилования бунтовщика не был заинтересован ни император, ни генерал Курода, ни сам Эномото. Он тут же уехал на Эдзо, и в столице с тех пор не появлялся. Дипломатический представитель России Бюцов-сан прибыл в Японию через два года после событий, о которых вы упоминаете. В это время Эномото сидел в Токийской тюрьме.

— У нас в стране очень мало оросов! — задумчиво кивнул Сайго Такамори. — Во всяком случае, по сравнению с другими варварами — франками, англичанами и немцами. Насколько мне известно, почти никто из них не знает японского языка, наших обычаев и нравов. К тому же, оросам запрещено посещать частные японские дома и водить знакомство с местным населением...

— Желание оросов как можно скорее решить пограничный вопрос с Японией столь велико, что вряд ли они будут копать в прошлом назначенного императором посланника, Сайго-сан! Их царь и правительство будут готовы принять посланника Страны Восходящего Солнца с верительными грамотами и печатями нашего императора, кого бы наш император ни назвал!

— Но если прошлое Эномото всё-таки всплывет, это будет позор для Японии!

— Не для Японии, Сайго-сан! — Окуба Тосимити наклонился вперед и впился глазами в лицо военного министра. — Не для Японии! Это станет позором для императора Мэйдзи и страшным оскорблением для царя оросов! В этом и состоит наш план, Сайго-сан!

Щеточка густых усов военного министра дрогнула: он позволил себе чуть заметно усмехнуться.

— Ах, вот как... Мы посылаем с важной миссией в Россию помилованного мятежника, а в разгар переговоров русский император узнаёт, что принял верительные грамоты с подписью Мацухито из рук государственного преступника... Забавно... И как же, по вашему, поступит в таком случае русский император?

— Он неминуемо сочтет себя и весь царствующий дом оскорбленным, Сайго-сан. Посланник, скорее всего, попадет в русскую

тюрьму и, может быть, его даже казнят за оскорбление царствующего дома. Ну, а сами переговоры по Северному Эдзо неминуемо будут сорваны, вопрос будет снят на много лет, а Япония, тем временем, продолжит колонизацию острова. Возможно, даже с помощью заклятых врагов оросов, англичан. Что же касается Мацухито, то...

— Понимаю... Наш глупый мальчишка-император в результате разразившегося международного скандала «потеряет лицо» и будет дискредитирован перед всеми европейскими правительствами... И мы можем воспользоваться этими событиями...

— Вы схватываете всё на лету, высокородный! — Окуба Тосимити снова привстал и поклонился.

— Что ж, замысел действительно неплох, — кивнул военный министр, глядя поверх голов своих гостей. — Остается убедить в необходимости такого назначения нашего императора. Он знает о тяжелой болезни советника Савы?

— Разумеется. Он очень скоро умрет, если уже не умер. Мы не сомневаемся Сайго-сан, что император прислушается к вашему мнению. К тому же, Эномото, повторю, действительно один из самых образованных японцев. И ваш голос в поддержку идеи генерала Курода Киётака непременно сыграет свою роль. Во всяком случае, всё будет выглядеть именно так!

— Курода посвящён в ваши планы?

— Разумеется, нет, высокородный! Ему осторожно подскажут эту идею. Он сочтет, что новое высокое назначение вернет Эномото окончательное доверие и благорасположение нашего императора.

— Что ж... Давайте завершим нашу трапезу, не отвлекаясь более ни на что. Потом вы отдохнете, а вечером я вам дам свой окончательный ответ...

* * *

Русский консул и поверенный в делах Кирилл Васильевич Струве, сменивший в Японии в январе 1874 года прежнего посланника Бюцова, получил от министра иностранных дел Российской империи Горчакова самые недвусмысленные указания: ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела Японии, и постараться как можно скорее добиться полного доверия японского правительства. В Токио действительный статский советник и гофмейстер прибыл с полномочиями возобновить переговоры по Сахалину, и сразу же

озвучил русскую позицию по этому вопросу. Разграничение острова и сухопутная граница «поперек» Сахалина не сможет предотвратить участвовавшие конфликты между японскими и русскими колонистами. Сразу отверг Струве и японскую идею морской границы по Татарскому проливу — как ущемляющую интересы России в плане выхода русского флота в Тихий океан и защиты русских дальневосточных окраин.

Консул был готов к новому витку затягивания, однако буквально на второй встрече с японским министром внешних связей был весьма ошарашен неожиданным заявлением о намерении Японии продолжить переговоры. Но не здесь, а в... Санкт-Петербурге.

— Соседство наших держав диктует необходимость установления дипломатических отношений на постоянной основе. Мы намерены предложить вашему правительству обменяться посольствами в самое ближайшее время. А вопрос по Северному Эдзо, или, по вашему, Сахалину, пусть будет первым в дипломатическом диалоге наших стран.

Об этой японской инициативе был немедленно извещен Горчаков. Возразить против такого предложения было нечего, хотя многомудрый Канцлер немедленно просчитал «подстрочный» текст этой новой инициативы.

— Желание направить в Россию Чрезвычайного и Полномочного посла Японии можно только приветствовать, ваше величество! — докладывал министр иностранных дел Александру Второму. — Однако, перенося переговоры по Сахалину в столь далекий от них Петербург, японцы, без сомнения, рассчитывают на дальнейшее затягивание этого вопроса. Судите сами, ваше величество: вряд ли японские дипломаты согласятся обмениваться секретными телеграфными депешами со своим правительством по проводу, проложенному по российской территории. А письма с нарочными — два-три месяца в один конец...

— Твою озабоченность я понимаю, светлейший, — Александр поощрительно улыбнулся стареющему любимцу. — Да что тут ещё поделать? Не отказываться же от установления полноценных дипломатических отношений...

— Оно так, ваше величество...

— Не переживай, Александр Михайлович! Я не сомневаюсь: здесь, в Петербурге, ты сумеешь взять японского посла в такой оборот, что все пограничные вопросы на наших восточных рубежах бу-

дут решены к полному нашему удовлетворению. Вспомни русскую поговорку, светлейший: в своём доме и стены помогают! Кстати: Струве не сообщает о кандидатуре японского посланника?

— На сей счёт ничего не известно, ваше величество. Кирилл Васильевич Струве предполагает, что имя Чрезвычайного и Полномочного посла Японии в России ему назовет микадо. Высочайшая аудиенция уже назначена.

— Ну, а как ты сам полагаешь, князь?

— Не знаю, что и сказать, ваше величество! Из прежних докладов и донесений наших агентов и посланников в Японии можно сделать вывод о том, что с дипломатическими кадрами у них скверно. Страна долго жила в условиях самоизоляции: сами никуда не ездили, и чужестранцев не жаловали. Японцев с европейским образованием вообще по пальцам пересчитать можно — причем, ваше величество, на сие достаточно будет, полагаю, и одной руки. Да и тех, кто вообще бывал в Европе, немногим больше. Преимущественно моряки — этим, скрепя сердце, разрешали покидать страну.

— Значит, могут назначить к нам кого-то из европейских посольств, — задумчиво кивнул Александр. — Перевести, скажем, со вторых ролей на первую!

— У них и в европейских державах с посольствами и консульскими учреждениями негусто, ваше величество. Англия, Франция, Голландия, Пруссия, Португалия — вот, пожалуй, и всё!

— Не приведи, Господи, из лондонского посольства кого «переловят», — император тяжело вздохнул. — Уж там-то перед назначением англичане проинструктируют и обработают его так, что волками взвоем тут...

— Поживём-увидим, ваше величество! — Горчаков, по-старчески хрустнув коленными суставами, тяжело поднялся с кресла и поклонился. — А засим, государь, прошу отпустить душу на покаяние. И так вне вашего расписания к вам напросился.

— Не кокетничай, светлейший! — засмеялся Александр. — Ты же знаешь, что я всегда рад тебя видеть!

* * *

Струве, как и предписывал этикет поведения перед лицом божественного императора Мэйдзи, не поднимал глаз на застывшую в неподвижности в кресле фигуру. Что не помешало ему, получив

из рук государственного министра Главной палаты правительства Японии свиток с тяжелыми печатями на витых шнурах, отрицательно покачать головой:

— Ваше императорское величество! От имени моего императора выражаю вам глубокую признательность за быстрое решение вопроса о кандидатуре Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии в России. Однако, ни в коей мере не сомневаясь в выборе его императорского величества, всё же позволю себе заметить, что его императорское величество Александр Второй вряд ли сочтёт возможным для себя принять Верительные грамоты Посла из рук простого капитана первого ранга военно-морских сил Японии. Этикет царствующего дома Романовых требует более высокого чина для посланника.

Мацухито по-прежнему молчал, и вместо него вновь заговорил государственный министр:

— Господин посланник, я уже сообщил вам о том, что в «Табеле о рангах военно-морских сил Японии» чин капитана первого ранга является наивысшим!

— Весьма сожалею, господин государственный министр Главной палаты. Позволю себе высказать убеждение, что нынешняя очевидная недостаточность «Табеля о рангах», упомянутого вами, наверняка продиктована молодым возрастом военно-морских сил Японии. До сей поры у вашей страны не было нужды в адмиралах и генералах. Однако поверьте, господин государственный министр, что Японии, уверенно входящей в новую эру своей истории, не сегодня-завтра потребуется пересмотр этого Табеля. Что же касается моего монарха, то я вынужден настаивать на соблюдении его чести, а также на требованиях этикета, принятого при дворе его императорского величества.

— Похоже, мы уперлись в неразрешимую проблему, господин посланник! — государственный министр заметно побагровел от наглости этого северного варвара и, казалось, лишь усилием воли сдерживал гнев. — Ваша аудиенция закончена, господин посланник!

Отвесив поклон, посланник, не поворачиваясь к императору спиной, сделал несколько шагов назад, чтобы на краю невысокого помоста, еще раз поклонившись, развернуться и уйти прочь.

В этот момент, пребывавшая в неподвижности фигура императора Мэйдзи шевельнулась, и государственный министр, уловив это движение, поспешно повернулся к микадо всем телом.

— Ну почему же неразрешимую, господин государственный министр? — голос императора, которому нынче исполнилось всего 22 года, был до сих пор по-юношески ломок, а тон несколько смущен. — Посланник великой России, мне кажется, прав. Рано или поздно нам придется подумать о том, что Японии нужны и адмиралы, и генералы. Почему бы нам не решить эту проблему сейчас, в преддверии решения более важных и насущных проблем, стоящих перед страной?

— Но, Сумера Микото¹...

Император встал, сделал несколько шагов вперед, и, взявшись обеими руками за рукоять меча у пояса, слегка наклонил голову в сторону посланника.

— Сейчас вы можете идти, господин посланник! Однако заверяю вас, что мы подумаем над вашими словами. Вы получите исчерпывающий ответ не позднее завтрашнего дня!

В полдень следующего дня русский консул и поверенный в делах был вновь вызван во дворец, где ему, уже в отсутствии императора, было вручено именное повеление микадо о присвоении Чрезвычайному и Полномочному послу Японии Эномото Такэаки чина вице-адмирала военно-морских сил Японии.

Уже в коляске, отъезжая от дворца, Струве слегка дотронулся полученным от императора свитком пергамента до колена сидящего напротив секретаря :

— А что, Иван Никодимыч, тебе так ничего и не удалось узнать об этой персоне? Как его — Эно-мо-то Та-кэаки, — по складам прочел французский перевод императорского указа посланник. — При дворе его величества микадо такого вроде не значится...

— А черт бы этих япошек разбирали, ваше высокопревосходительство! — со злобинкой тут же отозвался секретарь. — Простите, конечно, на худом слове. Второй день бьюсь — да почти без толку! Происхождения Эномото, конечно, самого благородного, из здешних дворян — по-ихнему самураев. До нынешнего назначения был управляющим целого острова на севере Японии, Эдзо — они теперь называют его Хоккайдо. В молодости был первым в выпуске здешней Голландской школы мореходов, потом шесть лет изучал в Европе разные науки. В Японию вернулся дублером голланд-

---

¹ Божественный ветер — одно из почтительных обращений я японскому императору.

ского капитана на борту построенного там парохода, получил чин капитана первого ранга и должность товарища министра военно-морского флота в прежнем правительстве Бакуфу. А в новом правительстве — управляющий островом. Губернатор, ежели по нашему, по-русски рассудить...

— Из товарищей министра, да в губернаторы самого отдаленного острова? Хм... Это, Иван Никодимыч, больше похоже на почетную ссылку, — заметил консул и поверенный в делах, постукивая свитком по кончику своего носа. — Впрочем, при смене правительств такое чаще всего и просходит. А что говорят о нём наши друзья-голландцы?

— Те тоже ничего не знают, — вздохнул секретарь. — После падения правительства Бакуфу и реставрации императорской власти прежние голландцы из Японии съехали. Стали, как вы изволите выражаться, здесь персонами «нон-грата» — поскольку помогали ихнему сёгуну. А которые вновь понаехали — те ничего не знают.

— Ну, да и бог с ним, с этим Эномото! — махнул рукой посланник. — Как-никак, вице-адмирал новоиспеченный... Авось теперь уж министр двора его императорского величества, граф Адлерберг не станет носом крутить! Но ты, Иван Никодимыч, все ж поузнавай, поразнюживай насчет личности этого посланника!

* * *

Через четыре дня после объявления русскому посланнику имени будущего Чрезвычайного и Полномочного посла Японии правительственный гонец высадился на берег Хоккайдо и потребовал у смотрителя порта быструю лошадь и провожатого до резиденции правителя острова. Согнувшись пополам при виде короткого бронзового жезла с вензелем императора, смотритель немедленно выполнил распоряжение посланца.

Уполномоченному Эномото Такэаки гонец передал два свитка, один из которых был опечатан личной яшмовой печатью императора Мэйзди, а второй нес на себе оттиск фамильного перстня члена кабинета министров правительства генерала Куроды Киётака.

В императорском свитке сообщалось, что милостью императора Мэйзди уполномоченному Эномото Такэаки возвращался воинский чин капитана первого ранга. Ему было приказано немедлен-

но прибыть во дворец для получения нового назначения. Курода в своем послании столь же немедленно призывал Эномото явиться к нему для важного разговора — причем прежде, чем ко дворцу императора.

Не прошло и часа, как Эномото, наскоро оставив распоряжения своему ближайшему помощнику — он полагал, что его отсутствие продлится не более недели, максимум двух — отправился в новую столицу Японии, Токио. Он еще не знал, что Токио — лишь отправная точка его нового пути через полмира. И что его разлука с Японией продлится долгих четыре года, и что никогда более он не вернется на поросшие травой холмы острова Эдзо-Хоккайдо.

Генерал Курода жил, что называется, на два дома — в столице и на Хоккайдо, вверенном его заботам и попечению. По линии кабинета министров он занимался заселением острова, освоением его природных богатств. Своего бывшего противника на поле боя, а впоследствии протеже и правую руку Курода Киётака принял в своей столичной резиденции, и тут же предложил Эномото прогуляться по аллеям обширного сада, обнесённого высоким каменным забором.

Мужчины не спеша шли по засыпанным белым ракушечником дорожкам, еще хранящим сырость и холод минувшей зимы. Время цветения сакуры ещё не пришло — лишь набухшие почки на черных ветвях обещали скорое пышное торжество природы. Эномото в традиционном скромном наряде самураев — только без мечей у пояса — с ненавязчивым любопытством поглядывал на начальника, одетого в новом для Японии стиле — в партикулярную европейскую одежду.

Здесь, в саду Курода и сообщил Эномото новость о великой милости императора — назначении его Чрезвычайным и Полномочным послом в Российскую империю. Второй новостью было то, что вместе с назначением Эномото получал невиданный доселе в стране чин вице-адмирала военно-морских сил Японии.

— Знает ли император о том, что среди множества европейских наук, постигнутых мною в Голландии, не было искусства дипломатии, сансэй? — почтительно осведомился у высокопоставленного собеседника Эномото.

— У вас светлая голова, Эномото-сан. Светлая голова и кровь ваших благородных предков в жилах — это сочетание поможет вам преодолеть все трудности на вашем новом пути.

— Я буду стараться оправдать ваше доверие, сансэй! Ведь именно вы, полагаю, назвали императору мое имя?

Курода Киётака покачал головой:

— Ваше имя назвали императору другие люди. Я лишь присоединил к ним и свой голос.

— Могу ли я поинтересоваться, досточтимый Курода-сан, кто были эти другие люди?

— Предложение назначить вас послом исходило, я слышал, от военного министра Сайго Такамори, а также от Окубо Тосимити.

Ничем не выдав своего недоумения, новоиспеченный дипломат поклонился, благодаря старого воина за откровенность. Оба высокогородных аристократа, названные Куродой, были злейшими врагами сёгуна Токугавы, ради которого он, Эномото, и поднял вооруженный мятеж против императора. С чего бы им оказывать великую честь и доверие тому, кто вполне мог сломать их собственные судьбы?

Словно прочитав мысли Эномото, Курода ободряюще улыбнулся:

— Весна приходит и после злых зимних морозов, Эномото-сан! Вы должны гордиться тем, что даже враги отдают должное знаниям, полученным вами в Европе. Да и я, по чести говоря, не знаю в Японии человека более образованного, чем вы. Образованного и готового отправиться с труднейшей миссией в Россию.

— Благодарю вас за оказанную мне честь, сансэй!

— Теперь вам надлежит отправиться во Дворец императора, где государственный министр Главной палаты вручит вам Верительные грамоты для передачи русскому царю. А после возвращайтесь, я сведу вас с министром внешних связей: он даст вам исчерпывающие инструкции для переговоров с русскими. Позже вы познакомитесь с переводчиком и еще с одним человеком, который отправится вместе с вами в Россию.

— Этот переводчик, конечно, хорошо знает русский язык?

— Наверняка знает, — пожал плечами Курода. — Насколько мне известно, лейтенант флота Уратаро Сига изучал этот язык во время стажировки на русских кораблях, которые периодически наносят в наши воды визиты вежливости и обозначают здесь военное присутствие и интересы России.

— Если вы помните, сансэй, я свободно изъясняюсь на немецком, фламандском и французском языках, — помолчав, осторожно

заметил Эномото. — А в России, насколько мне известно, французский язык едва ли не второй государственный.

— Тем не менее, это приказ, Эномото-сан! Вы отправляетесь с переводчиком Уратаро. А приказы, как вам известно, не обсуждаются, а выполняются.

— Можете не сомневаться в моей преданности, сансэй! — Эномото глубоко поклонился собеседнику, и, помедлив, продолжил. — Особенно если это ваш приказ...

— Приказ о назначении лейтенанта Уратаро Сига тоже отдал не я, — покачал головой Курода. — То же самое могу сказать и о секретаре посольства, лейтенанте Асикага Томео. Вот он русского языка не знает, это я знаю доподлинно. Но высокому начальству, как говорится, виднее! Да и какая, в сущности, разница?

— Вы правы, сансэй: никакой разницы! — ровным голосом, не выдавая волнения, ответил Эномото.

Ему было о чем поразмышлять. Нежданная милость императора, да еще с подачи старого врага клана, Сайго Такамори. И неизвестно откуда взявшийся секретарь посольства, который толком не знает языка страны, куда они направляются — причём приказ о его назначении тоже, скорее всего, отдал Сайго Такамори либо его ближайшие приспешники...

* * *

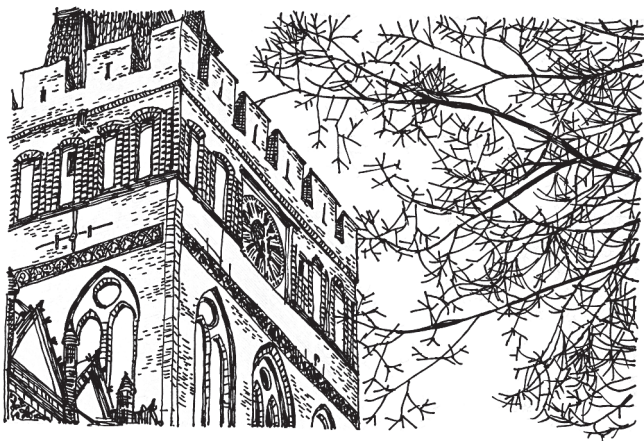
Реакция японского правительства на решение императора о начале переговоров с Россией и назначении Чрезвычайного и Полномочного посла была довольно вялой. Гораздо большее оживление вызвала неожиданная проблема с мундиром первого в истории Японии вице-адмирала. Министры, словно сговорившись, сотворили из этой проблемы то, что более легкомысленная Европа назвала бы балаганом. Один за другим на заседаниях правительства представлялись эскизы обмундировки будущего посла — причем всякий раз большинством голосов представленные проекты благополучно проваливались. В столице возник необычайный спрос на художников и портных, от которых требовалось изобрести достойный Японии мундир ее первого вице-адмирала.

Оживленную дискуссию и перепалки по этому поводу превратило только категорическое заявление капитана итальянского коммерческого судна, на котором посол должен был отправиться

в Европу. Это было последнее судно, отправившись на котором до сезона штормов, посол мог попасть в Россию в оговоренный срок. Не слишком считаясь с традициями и обычаями Японии, капитан-итальянец заявил, что судно выходит из Иокогамы 10 марта — с послом или без него.

Против обыкновения, капитану не пригрозили последующим «отлучением» от стоянки в японских портах. Более того, с его доводами согласились и даже поблагодарили за «содействие» в решении вопроса, имеющего принципиальную позицию для Японии. 10 марта 1874 года Чрезвычайный и Полномочный посол и двое его сопровождающих заняли предназначенные им каюты на коммерческом судне и отбыли из Японии. Правительство же, словно позабыв о каждодневно декларируемым им же принципе экономии, приняло решение о доработке эскизов мундира и последующей их посылке вслед за послом на самом быстром в стране военном клипере.

Глава двенадцатая

Берг украдкой вытянул из жилетного кармашка часы, досадливо поморщился: это раньше он с небрежной гордостью демонстрировал окружающим свой золотой брегет. Увы: брегет остался в Париже, у одного из бесчисленных ростовщиков, а для собственных надобностей молодой офицер купил в лавке пузатую и тяжелую, как гиря, «луковицу» невнятного происхождения, которую порядочному человеку на людях и доставать-то было неловко.

До отправления поезда на Берлин, если верить «луковице» и железнодорожному расписанию, оставалось чуть больше часа. Франкфурт-на-Одере — последняя станция на немецкой территории, дальше берлинский экспресс застучит колесами по Российской империи. И оттягивать разговор с японцем было дальше некуда, пора было решаться.

...Чуть более суток назад в Амстердаме он весьма правдоподобно разыграл удивление, встретив японца возле спального вагона, отправлявшегося в Берлин.

— О-о, как тесен все-таки мир, господин Асикага! Вы отправляетесь обратно в Россию тем же поездом, что и я? Мое почтение!

По невыразительному лицу японца пробежала легкая гримаса неудовольствия. Он сдержанно поклонился в ответ, улыбнулся углами рта:

— Здравствуйте, господин Берг! Да, я завершил свои дела в Голландии и возвращаюсь в Россию. А вы, очевидно, нынче прибыли из Швейцарии?

— Значит, поедем в одном вагоне, — словно не расслышав вопроса, с энтузиазмом воскликнул Берг. — А из Берлина место до Петербурга изволили уже заказать? Нет? Если желаете, мы можем прямо сейчас же пойти к железнодорожному агенту, я покажу дорогу! Прошу!

Японцу ничего не оставалось, как с помощью свалившегося как снег на голову попутчика заказать у агента место в берлинском экспрессе. Вернувшись на дебаркадер вокзала, Асикага Томео всё же отверг приглашение Берга скоротать время за картишками или беседой в одном купе. Сославшись на легкое недомогание, он поспешил откланяться и юркнул к себе в купе первого класса, хотя до отхода поезда было еще не менее получаса.

Ничего, бормотал себе под нос Берг, терпеливо прогуливаясь по дебаркадеру в ожидании сигнала отправления. Ничего, азиат мой ненаглядный! Не сбежишь никуда, покуда гвардейский сапёр «пути отхода неприятеля» прикрывает!

Бежать японец, видимо, никуда не собирался, однако избрал иную тактику «уклонения от неприятеля». Он так и просидел до тройного удара колокола в вагоне. Не выходил он и на трех небольших станциях по дороге в Берлин, хотя на каждой из них поезд стоял по часу и более. В Берлине, где пассажирам предстояла пересадка на экспресс, деваться ему было некуда, пришлось выйти — чтобы тут же попасть под «опёку» того же Берга, нарочно позвавшего к вагону лишнего носильщика.

Здесь «нездоровье» японца продолжилось. Уклонившись от предложения вместе поужинать в привокзальной ресторации, он вновь уединился в своём купе. Свет в его окне тоже вскоре погас. Справившись у вагонного кондуктора относительно станций по маршруту следования, Берг узнал, что ночью их поезд делает только три короткие остановки, а во Франкфурт прибывает утром. Там предстояла длительная стоянка и пересадка пассажиров в другие вагоны с колесными парами под русскую рельсовую колею.

На франкфуртском вокзале попутчики, как и предполагал офицер, вновь встретились. Асикага с неохотой, но согласился составить Бергу компанию за завтраком.

От мяса Асикага решительно отказался, и заказал у кельнера рыбу. Берг с любопытством наблюдал, как японец долго и неуклюже тыкал трёхзубой вилкой в тарелку, а потом, извинившись, всё же достал из саквояжа завернутые в салфетку палочки для еды. Ими он орудовал столь ловко, что Берг, неоднократно обедавший ранее со своим другом Эномото и знакомый с хаши, всё же не мог не восхититься...

Отказавшись по завершению завтрака от вина и кофе, Асикага лишь спросил у кельнера стакан холодной воды, и, судя по всему, вновь намеревался сослаться на спасительное «недомогание» и отделаться от назойливого русского спутника. Тут Берг и решился объявить:

— Господин Асикага, у меня к вам есть весьма серьёзный разговор. До отправления нашего поезда примерно полчаса — не желаете ли прогуляться по саду? Там, я полагаю, нам никто не мешает.

Если Асикага и хотел возразить, то не нашелся. Помедлив, он аккуратно завернул в салфетку свои хаши, уложил в саквояж, щелкнул замком и поднялся.

В аллее чахлого садика листья осин уже были тронуты холодной рукой осени, и, казалось, ждали только первого порыва ветра, чтобы с готовностью слететь с ветвей и упасть на землю. Берг вздохнул:

— Не буду ходить вокруг да около, господин Асикага. Я знаю, что вы испытываете к его высокопревосходительству господину Эномото враждебные чувства. И, более того, намереваетесь погубить своего соотечественника... Молчите, я еще не закончил, извольте дослушать, господин Асикага! Так вот, вы не можете не сознавать, что, погубив Эномото, вы одновременно ставите крест и на переговорах, ради которых вы с ним проехали через полмира, и уже в Санкт-Петербурге потратили 5 месяцев времени. Поскольку я, как вы знаете, являюсь личным другом господина Эномото, то имею право знать причину такой яркой враждебности.

Японец повернулся к Бергу всем корпусом в самом начале его монолога, а, дослушав, чуть поднял в удивлении брови:

— Вы сошли с ума, любезнейший? Что вы несёте, господин Берг?

— Не отрицайте! Мне всё известно! Расставшись со мной в Амстердаме, вы поехали дальше, в Париж. Там вы встречались с полковником Жюлем Брюне из военного министерства, а когда он ответил отказом на предложение, показавшееся ему сомнительным, то вам пришлось искать отставного сержанта Буффье. Тот, к сожалению, оказался более покладистым, более глупым или более жадным. Потом у вас была встреча с газетчиком из враждебного России скандального еженедельника. Назвать вам гостиницу, в которой вы останавливались в Париже? Сумму, которую вы заплатили Буффье за его японские мемуары? Рассказать, какие фотографии вы храните в стальной шкатулке, которая запирается ключом, висящим на вашей шее?

Пораженный Асикага сделал шаг назад и схватился за грудь, словно проверяя, здесь ли драгоценный ключ. Берг, заложив руки на спину и раскачиваясь с носка на пятку, ждал.

Асикага всё же быстро пришел в себя от неожиданной атаки, и презрительно улыбнулся:

— Вы считаете приемлемым для дворянина и русского офицера устраивать эту буффонаду со слежкой, подглядыванием в замочную скважину, подслушиванием? Да еще по отношению к иностранному подданному, находящемуся под защитой дипломатического иммунитета и Российской короны? Фи, господин Берг! Я непременно доведу эти возмутительные инсинуации до Министерства двора его императорского величества и Министерства иностранных дел России, любезнейший! Не думаю, что там вас похвалят за ваше «усердие»! Скорее уж, наоборот: мне кажется, вы будете иметь большие неприятности!

— Да хоть до господ Бога доводите! Или кому вы там у себя молитесь в Японии? Не отвлекайтесь, господин Асикага! Я обвиняю вас в злоумышлении на моего друга и вашего непосредственного начальника, его высокопревосходительство Чрезвычайного и Полномочного посла Японии Эномото Такэаки! И жду ваших объяснений по сути выдвинутых весьма серьезных обвинений! Отчего вы готовы провалить переговоры, начатые в Санкт-Петербурге по инициативе японской же стороны? Отчего вы так ненавидите господина Эномото, моего друга? Если вы чувствуете себя обиженным или оскорбленным им, я готов дать за своего друга немедленное удовлетворение!

— Вот как? — недобро усмехнулся Асикага. — Вот как? Такая щепетильность в вопросах дружбы делает вам честь, господин Берг!

Хотя с моей точки зрения, вся эта поднятая вами суэта оскорбительна сама по себе. Вы бесцеремонно лезете не в свои дела. И я готов наказать вас за эту бесцеремонность — но позже, позже, господин Берг! Всеу своё время — так, кажется, говорят в Европе? Что же касается моих отношений с господином Эномото и мотивов моих поступков, то снова повторю вам: это не ваше дело! И я не обязан давать вам каких бы то ни было отчетов в своих действиях!

— Почему позже? — в бешенстве крикнул Берг, делая шаг вперед. — А я должен ждать, пока вы не сделаете своего грязного дела?! Да, мне нет забот до вашей маленькой Японии и ее жалких потуг выторговать никчемный остров у края материка. Провались вы вместе с этим островом — слёз лить не стану! Зато мне есть дело до чести и благополучия моего друга — и я не позволю вам погубить его! Я требую удовлетворения немедленно, любезный!

Асикага сдерживался из последних сил. Он смертельно побледнел — от крыльев носа до костяшек сжатых в кулаки пальцев. Дыхание со свистом вырывалось через узкую щель стиснутых губ.

Бежали мгновения, к японцу начало возвращаться спокойствие. Он перевел дыхание, разжал кулаки и чуть пошевеливал пальцами, возвращая в них нормальное кровообращение.

— Вы просто мальчишка, Берг! — наконец заговорил он. — Глупый великовозрастный мальчишка, который лезет в драку, не отдавая себе отчета в том, чему и кому он хочет помешать. Я уже сказал вам: я непременно накажу вас — дам вам удовлетворение. Но не раньше, чем выполню свою миссию! До той поры я себе не принадлежу, господин Берг! Прощайте — и не трудитесь более искать моего общества. Я сам найду вас в Петербурге, глупый и нахальный щенок!

Асикага сделал движение, чтобы уйти, однако Берг не дал ему. Расхохотавшись и поигрывая щегольской тростью, он слегка стукнул её концом по плечу японца.

— Может, я и мальчишка, господин азиат! Но мужчине гораздо приличнее выглядеть мальчишкою, нежели трусливой кривоногой шкодливой обезьяной! Да-да, мартышкой, напакостившей и торопящейся скрыться высоко на дереве, уверяя всех, что у неё там неотложные — ха-ха-ха! — дела! Передавайте привет этой мартышке, когда вернетесь в вагон, и увидите её в большом зеркале над диваном! Не сомневаюсь, что обезьяна в зеркале будет строить своему отражению гнусные рожи!

Лицо Асикага налилось свинцовой бледностью. Отбросив пальцами кончик трости, которым Берг продолжал постукивать его по плечу, японец через силу коротко поклонился:

— Довольно, господин Берг! Довольно — вы добились своего! Где и как вы собираетесь дать мне удовлетворение, господин прапорщик? Я готов получить его немедленно!

— Извольте! — Берг с иронией отвесил глубокий поклон. — Ваш револьвер при вас? Тогда прошу погодить минуту — я сбегаю, возьму свой из багажа! Через платок? Дуло в дуло¹?

— Мальчишка! — снова презрительно выплюнул Уратаро. — Даже я, «кривоногий азиат из Японии», как вы изволите выражаться, знаю европейские дуэльные правила! При нанесении тяжкого оскорбления выбор оружия и условий поединка принадлежит оскорбленному! А таковым, в нашем случае, являюсь я!

— Безусловно, безусловно, — согласился Берг. — Прошу прощения: я просто предложил данный вариант, исходя из обстоятельств нашей ссоры, места и большого количества людей вокруг. Сомневаюсь, что немцы позволят нам провести полноценный поединок на мечах и даже на саблях — непременно вызовут полицию! Или вы на это и рассчитываете, господин Асикага? Что нам непременно помешают, и вы под шумок скроетесь в своей норе?

— Не кривляйтесь, Берг! Я согласился бы с вами на поединок на пистолетах, но у меня, во-первых, нет револьвера. Во-вторых, честь самурая предполагает поединок на холодном оружии. И если вы оставляете право выбора оружия за мной, то я предпочитаю свою катану. Ваша сабля, надеюсь, в багаже, прапорщик?

— Да, разумеется. Воля ваша — но что же мы станем делать с досужей публикой? Нам ведь и вправду могут помешать — эва, сколько зевак кругом!

— Пойдемте к дебаркадеру, Берг! Я покажу вам укромное местечко, где нам, при известном старании, никто не помешает...

Ровным шагом, тщательно соблюдая дистанцию между собой, враги направились к поезду. Пассажиры уже занимали места в

---

¹ Дуэль русского происхождения, была распространена в офицерской среде в середине XIX века. Противники брались за углы большого платка, отодвигались друг от друга на максимальное расстояние и по команде стреляли. Пистолеты в этом виде дуэли выбирались по жребию, заряжен был только один. Дуэль «дуло в дуло» отличалась от описываемой только тем, что заряжены были оба пистолета. Поединок был безусловно смертельным, во втором случае нередко гибли оба дуэлянта.

вагонах, ибо дежурный по вокзалу только что дал первый сигнал колоколом.

— Посмотрите на вагоны, Берг! Каждый из вагонов 1–2 классов заканчивается открытой площадкой, предназначенной для поездного кондуктора? И на каждой площадке, как видите, имеется лестница, ведущая на крышу вагона. Если вы сумеете договориться с нашим кондуктором, дав ему мзду, то мы займем эту площадку, а после отхода поезда легко переберемся на крышу вагона. Там нам никто не помешает, Берг! Согласны?

Берг кончиком трости сдвинул котелок на затылок, пригляделся к ближайшему вагону, кивнул.

— Вам пришла в голову неплохая идея, господин Асикага! Только вот что: немецкий железнодорожный персонал вряд ли освободит для нас вагонную тормозную площадку. А при кондукторе на крышу не залезешь. Тот непременно поднимет шум, чего доброго, тормоз Вестингауза рванет, поезд остановит... Давайте немного подождем: на следующей станции, насколько я помню, немецкие кондуктора сменяются нашими, русскими. Россиюшка начнется со следующей остановки, господин Асикага! Там-то уж я договорюсь! А не договорюсь, так попросимся постоять на площадке, а после станции спихнем упрянца и сделаем свое дело. Ну, как?

— Пусть будет по-вашему, — согласился японец.

— Только вот что, господин Асикага: моя сабля на вершок, пожалуй, длиннее вашей катаны будет. Вас это не смущает?

— Это не имеет для меня никакого значения, Берг. Я смог бы биться с вами и убить вас не только катаной, но и вакидзаси¹.

— Вы излишне самонадеянны, господин самурай! — хмыкнул Берг. — Поглядим еще. И вот что: поскольку мы будем биться без секундантов, предлагаю заготовить письма, снимающие с противника ответственность за преднамеренное убийство. А перед поединком обменяться ими.

— Согласен.

— Прошу также не забывать, господин Асикага, что главный повод нашей ссоры — ваше намерение скомпрометировать моего друга. Компрометирующие его документы хранятся у вас в стальной

---

¹ Тандем оружия самурая именовался дайсё и состоял из длинного меча-катаны и короткого — вакидзаси. Длинный использовался в бою, короткий носил вспомогательные функции — для самоубийства (сэппуку) или «контрольного» обезглавливания противника в случае его ранения.

шкатулке, я знаю это. Если победителем в нашем поединке окажусь я, то единственное моё требование — уничтожить эти документы. Или передать их мне. В этом случае, согласитесь, мне как-то неуместно будет рыться в вашем багаже... Так что захватите, будьте любезны, шкатулочку с собой!

— Вы всерьез рассчитываете на победу? — усмехнулся Асикага. — Что ж, извольте: для вашего спокойствия я захвачу шкатулку на место нашего боя. И, уверяю, сам же унесу ее оттуда! До скорой встречи, господин прапорщик!

Запершись в своём купе, Берг достал саблю, вынул клинок из ножен, позвенел по нему ногтем, оттопырил в задумчивости нижнюю губу.

Так себе клиночек, принялся размышлять Берг, фабричный, самый обыкновенный. И отчего это на Востоке вояки так носятся со своим «холодняком»?

В Туркестане, где Берг воевал, ему приходилось держать в руках трофейные сабли, захваченные в бою или подобранные на полях сражений — в большинстве своем фамильные, персидского происхождения. Клинки таких сабель порой имели довольно причудливую форму для наиболее полного использования всех режуще-колющих возможностей этой разновидности холодного оружия. Неизменным в сабле была более или менее изогнутая форма клинки, односторонняя его заточка, лишь на последних двух вершках острия переходящая в двухстороннюю...

Станционный колокол звякнул три раза, и почти сразу после короткой суеты на вокзальном дебаркадере вагон дернулся и покатился.

В сторону России, с радостным предвкушением встречи подумал было Берг — и тут же вспомнил про дуэль, вздохнул. До России еще доехать нужно — живым-здоровым... А прежде письма написать — «индульгенцию» для противника. И Настеньке, конечно. Мало ли что!

Берг достал из саквояжа письменные принадлежности, наполнил дорожную чернильницу, поправил перо и снова задумался. Двумя письмами, пожалуй, перед таким серьезным делом, как дуэль, не обойдешься. Князю Кильдишеву, командиру батальона, непременно надо письменное объяснение представить на крайний, как говорится случай. И Эномото, разумеется, надо написать — на тот же случай, если лично объясниться возможности не представится. Задача-с!

О своей возможной смерти Берг, как и всякий понюхавший пороху солдат, рассуждал спокойно, без лишнего пафоса и красивых рассуждений, более подходящих для тыловых шаркунов-трепачей. Ну, отвернётся Фортуна от него — значит, судьба у Мишеньки Берга именно такая. Свои шансы на победу в поединке он оценивал, как ему представлялось, весьма объективно, оделяя свою персону меньшей половиной удачи.

Была бы дуэль на револьверах — тут Берг мог и фору противнику дать, стрелял он изрядно. Согласись японец на стрельбу через платок — и то шансы были бы поровну. Как и в том случае, если бы противником был такой же офицер, и у него в руке была бы такая же сабля, как и у него. Фехтовальщиком Берг был весьма посредственным, и по опыту знал, что настоящих мастеров клинка в русской армейской среде считанные единицы. А тут — катана, оружие, хоть и внешне схожее с саблей, но гораздо серьёзнее. Плюс почти незнакомая ему техника боя.

И к тому же, японская катана двуручная, поставил сам себе еще одну «запятую» Берг. Японцы держат катану в одной руке, как рассказывал ему Эномото, только в конном сражении. В пешем бою мечом орудуют, держа его двумя руками — стало быть, удар получается более мощным!

Берг без особого труда припомнил основное из рассказов Эномото относительно приемов владения катаной, одновременно мимоходом пожалев, что интересовался японской школой фехтования поверхностно, наряду, скажем, с чайной церемонией, своеобразной национальной поэзией или культом цветущей сакуры.

Собственно, и фехтованием-то японский поединок на мечах назвать можно было весьма условно. Никаких изящных поз «на публику», никаких вольтов и красивых перемещений. Техника катаны, как понял Берг, была максимально практичной и подчинена была одной — единственной цели: как можно скорее лишить противника головы или вообще разрубить пополам. Один, много два удара — вот и весь японский поединок. Стало быть, и Асикага не поступится самурайскими традициями.

Насколько мастерски он владеет своим мечом? Этого Берг не знал. Эномото никогда не говорил о своем соплеменнике и вообще уходил от расспросов на эту тему — то ли это было выражением неприязненной деликатности дипломата, то ли каким-то нравственным табу японца, Берг так и не понял. Однако сейчас

солдатский опыт подсказывал ему, что недооценка противника и расчет на «авось» может сослужить ему плохую, если не пагубную службу. Значит, будем исходить из того, что Асикага — настоящий кэндока¹, решил для себя Берг. И, значит, моя главнейшая задача — попытаться уйти от первой серии страшных ударов. И, конечно, следить на ногами противника, не забывать того, что японский мастер клинка наносит удар не с шага вперед, а с приставного. И что отступает не «по-русски» — не назад, а, как ни странно, вперед и в сторону.

Вздыхнув, Берг принялся за письма. Первым адресатом был, разумеется, командир батальона князь Кильдишев. Берг уже решил, что послание Настеньке, прощальную записку для Эномото и предназначенный ему же пакет из Парижа с «мемуарами» сержанта Буффье он вложит в конверт для невесты.

С письмами он успел покончить как раз к прибытию берлинского экспресса на пограничный полустанок, где сменившая немецкую российская железнодорожная команда пригласила господ пассажиров выйти на дебаркадер. Тяжело сопящий мощный локомотив остался на путях, а маневровая паровая машина укатила короткую сцепку вагонов куда-то в депо, для замены колесных пар для русской колеи.

К японцу Берг больше не подходил. Противники порознь сделали отметки в своих паспортах у пограничной стражи, и прогуливались по скрипучим доскам дебаркадера, прислушиваясь к ставшей привычной железнодорожной суете — гудкам невидимых паровых машин, звяканью сцепных механизмов, коротким трелям свистков кондукторов и поездной obsługi.

По прошествии полутора часов господ пассажиров пригласили занять свои места в вагонах. И Берг сразу же отправился к своему кондуктору — договариваться.

Как и ожидалось, трехрублёвая ассигнация оказалась для мужичка в шинели и с огромными усами «а-ля машинист» прекрасным убедительным аргументом. Не заподозрив ничего дурного в желании приличного господина прокатиться один-два перегона на свежем воздухе, он легко согласился временно перебраться на тормоз-

---

¹ Кэндока — так в Японии называют человека, мастерски владеющего катаной. Кэндока способен, в частности, нанести два-три мощных разрубающих удара мечом за одну секунду.

ную площадку соседнего вагона. Лишь заботливо предупредив, что копать из паровозной трубы может попортить господскую одёжку, и в первую голову — его белоснежную манишку.

— Вы, господин хороший, прямо чичас, на станции на площадку ко мне забирайтесь, — наставлял усач. — А как поезд тронется и вокзальное начальство видеть не будет, я сейчас соскочу на ту сторону, и к Прохору, на площадку следующего вагона запрыгну. Только вы уж, ваша милость, не подведите! Колесо это тормозное не трогайте! Перегон невелик, часа полного до следующей станции не проедем. Полного хода машинист тут никогда не дает, так что и экстренного торможения, Бог даст, не понадобится. А потребуется, так мы с Прохором вдвоем на евонное колесо наляжем! Ничо, не впервой!

— Только я с товарищем прокатиться хочу, милейший! — предупредил Берг. — Сейчас вот шампанского захватим, да кой-чего еще — и подойдем.

— Да хоть с двумя товарищами! — благодушно махнул рукой усач. — Порожних бутылок только, господа хорошие, не запуливайте по обходчикам да переездным сторожам. А то случается, знаете ли... Неприятность из этого может произойти, Богом прошу!

Уверив кондуктора, что честь офицера никак не совместима с пьяным дебошем на тормозной площадке, Берг направился к своему купе за саблей, попутно кивнув японцу: всё, мол, в порядке!

Благодушия у железнодорожного усача чуть поубавилось, когда через несколько минут на его тормозную площадку забрался давешний пассажир в статском, а с ним — явный китаец. Причем одет был азиат в чудную одежду бабского толка — что-то вроде длинной серой пижамной куртки с широченными рукавами. Штанов на китайце не было — ниже подола «пижамы» белели лишь не менее чудные носки, каких и бабы-то не носят — с отдельно вывязанным большим пальцем. Обут азиат был в какие-то невнятные шлёпанцы с раздвоенным ремешком. Не заметил усач и шампанского — вместо гребца либо характерно позвякивающего саквояжа у мужчин были какие-то длинные свертки, обернутые тканью. Кроме этого, у китаёзы в руках был еще небольшой ящичек, также обернутый тканью. «Набитый» взгляд русского человека тут же позволил кондуктору сделать вывод о том, что бутылка шампанского в такой ящичек ни-почем не поместится. Разве что фляжка какая... Впрочем, какое ему дело до господских предпочтений?

— Прощения просим, конечно, — забормотал железнодорожный усач, обшаривая глазами то подозрительные свертки, то китайца. — А из какой посуды господа хорошие шампанское пить станут? Может, в буфетную сбежать, там бокалы спросить?

— Я и сам хотел попросить об этом, любезный! — Берг ловко сунул кондуктору еще рубливку. — Сбегай-ка в вокзал, спроси!

Проводив глазами усача, Берг повернулся к японцу:

— И надо же вам внимание к себе привлекать, господин Асикага! Чем вас европейский костюм не устраивал? Сейчас сюда пол-вокзала сбежится вашим экзотическим кимоно полюбоваться, да голыми ногами.... Да и прохладно вам в кимоно на ветру будет, полагаю...

— Не надо обо мне беспокоиться, прапорщик! — процедил Асикага. — Лучше скажите, зачем вы за бокалами этого мужлана послали? Что мы с ними делать будет?

— Важен не бокал, а повод всучить мужичку лишнюю денежку, — возразил Берг. — А-а, вот и наш благодетель! Как тебя зовут, благодетель?

— Трофимом мать с отцом нарекли, — усач подал Бергу небольшую звякнувшую корзинку, накрытую чистой салфеткой. — Я извиняюсь, конечно, за любопытство — а что у господ в тряпки заматано? Потому как железная дорога и забота о подвижном составе...

— А-а, это клюшки для гольфа, любезный! — пренебрежительно махнул рукой Берг. — Игра такая, вроде лапты, неужели не знаешь?

— Ага, для лапты, — кондуктор еще раз обшарил глазами свертки, потоптался на дебаркадере и полез на площадку. — Три раза звякнули, счас отправимся. Значить, как до конца дебаркадера проедем, я соскочу, да и к Прохору. С посудой поаккуратнее, честью прошу, господа!

Состав дернулся, лязгнул сцепкой. Усач Трофим, стоя на подножке, выставил разрешающий сигнальный флажок. Когда вагон проплыл мимо дежурного по вокзалу, Трофим спрыгнул, козырнул чудным пассажирам и крикнул:

— Так что счастливо оставаться, господа хорошие! Бутылок не кидайте только в сторожей на путях!

Когда последние станционные постройки остались позади, Берг, свесившись на поручнях, глянул в обе стороны, и, удовлетворенный, с силой пошатал рукой металлическую лестницу, ведущую на крышу, повернулся к японцу:

— Ну-с, господин Асикага, вот вам моё письмо властям — на случай крайнего для меня исхода, как говорится. Позвольте ваше — чтобы тела, ежели что, не обшаривать. Ага, есть. Ну, я тогда вперед, с вашего позволения, полезу. Оружие наше подадите потом, не сочтите уж за труд!

Берг легко вскарабкался на крышу, принял из рук японца свою саблю и его катану, отошел подальше от края и осторожно распрямился в полный рост. Железная крыша вагона, вся в кругляшках заклёпок, была покатою в гораздо большей степени, нежели казалось снизу. И к тому же довольно скользкой после недавней помывки в депо. Вдоль всего вагона, в два ряда, крыша была оснащена выходами коротких труб, прикрытыми сверху грибовидными колпачками. На дальнем конце крыши виднелись две трубы подлиннее — из одной курился легкий дымок. Относительно ровная «дорожка» по центру крыши была во множестве усеяна крышками лючков — очевидно, для доступа железнодорожной obsługi и ремонтников.

Вагон на ходу основательно пошатывало, и Берг тут же сделал еще одно весьма неприятное открытие: это было далеко не то мягкое покачивание, едва ощутимое в купе первого класса. К тому же там, внизу, от толчков и силы инерции на поворотах рельсового пути можно было легко предохраниться, опершись на мягкую обшивку стенок или ухватившись за многочисленные поручни, нарочно предусмотренные для удобства господ пассажиров. Здесь, наверху, хвататься при резком толчке на стрелке или при торможении состава, было просто не за что...

Нет чтобы мне, дураку, туфли для лаунт-тенниса на каучуке надеть, подосадовал Берг, шоркая ногой по железному скату. Впрочем, япончик мой и вовсе на каких-то деревяшках стоит... М-да-а, вот ведь канцелярия какая нарисовалась — нарочно и не придумать! Единственная ровная площадка узкая вдоль вагона — и та вся в лючках! С дурацкими ручками в виде скоб. Забудешь вниз глянуть — и споткнешься непременно, рухнешь на одну из этих вентиляционных труб. Не башку расшибешь, так рёбра поломаешь...

— Позвольте! — японец, чуть задев Берга, проскользнул мимо него, на ходу взяв у противника свою обернутую шёлковой тканью катану.

Тяжелую шкатулку, с которой он так и не расстался даже при подъеме на крышу, Асикага бережно уложил на железную крышу. А чтобы та не соскользнула вниз при толчке или при неловком дви-

жении, прикрепил ее к скобе лючка концом ткани. Освобожденный таким же манером меч Асикага привычно засунул за пояс кимоно, дёрнул за неприметную ленточку у ворота, отчего полоскавшие на ветру широкие рукава подтянулись к плечам и стали гораздо уже.

— Ключик не забудьте снять, господин дуэлянт! — напомнил Берг. — Не приведи, господи, свалитесь с крыши — что мне тогда делать?

— Я готов, господин прапорщик! — Асикага сдернул с шеи цепочку с ключом, набросил ее на ближайшую вентиляционную трубу, с достоинством поклонился и выпрямился, непринужденно стоя на чуть расставленных ногах и словно не замечая раскачивания набирающего ход поезда.

Поморщившись от клуба дыма, вдруг нанесенного ветром от паровоза, Берг кивнул, расстегнул и бросил в сторону сюртук, следом за ним ножны сабли, натянул тонкие кожаные перчатки. Не удержавшись, он коротко отсалютовал противнику поднятым клинком и встал в позу фехтовальщика: правая нога с вывернутой наружу ступней впереди, левая чуть согнута в колене.

— Какой сигнал выберем? — крикнул он, переждав длинный гудок локомотива.

Асикага чуть пожал плечами, крикнул в ответ:

— Следующий гудок!

* * *

Титулярный советник Павел Родионович Павлишин, занимавший вместе с супругой купе второго класса в вагоне № 2, осторожно покосился на свою благоверную и, словно нечаянно, откинул крышку дорожного погребца. Предупреждая готовую сорваться с уст супруги резкую реплику, кивнул на окно:

— А ты не видела, мамочка моя, не возвращался к себе в купе этот молодой господин с офицерской выправкой? Я, сколько смотрел, не видал! С китаёзой этим, из первого купе, перед самым отправлением как прошли по дебаркадеру куда-то назад, так и всё! Неужели отстали? Как ты полагаешь, мамочка?

Супруга мельком взглянула на толстое стекло, словно ожидая увидеть там спешащего в свое купе симпатичного офицера и скептически уставилась на бокал в руке мужа, уже наполненный живой влагой.

— Я другое вижу, Павел: ты никогда не остановишься! И к чему, спрашивается, назюкиваться опять? Ты же в вокзале две рюмки выпил — вот и довольно! Поставь настойку обратно, слышишь?!

— Как же я поставлю, мамочка, ежели оно непременно разольется? — резонно возразил супруг, поднося бокал к губам. — И обратно в графин не сольешь, вишь, как качает! Обивка погребца потратится, мамочка!

— Бережливый какой! — фыркнула супруга. — Ты бы лучше утробу свою ненасытную поберёг — льешь и льешь в нее каждую минуту. И как она лезет в тебя только... Закуси хоть, осоловеешь ведь! Баранку хоть возьми, горе мое! Опять башку свою расшибешь, как третьего дня!

Павлишин опрокинул бокал в себя, отдышался, покрутил головой:

— Тебя послушать, мамочка моя, так ни за что не поверишь, что в Смоленском заканчивала курсы! Какие выражения я от тебя слышу — «утроба», «башка»... Нешто таким словам на благородных ваших курсах барышень учили, мамочка?

— Ты поговори еще мне, пьяница несчастный! Поживи с тобой, так не такому выучишься! Закрой погребец, иди сюда! Сядь у окна и прижми седалище своё! И до самой Варшавы чтобы и глядеть в ту сторону не смел, понял?

— Понял, мамочка! — Павел Родионович по тону супруги понял, что сейчас раздражать её не стоит. Пусть посидит, успокоится — глядишь, и задремлет...

Супруги молча глядели в окно, за которым мелькали обычные железнодорожные картины. Деревья, луга, далекие белые хутора с пасущимися неподалеку пестрыми коровами. Мягко поскрипывали рессоры вагона, колеса пели свою монотонную стукотливую песню: так — таки — таки-таки — так!

Настороженно поглядывая на супругу — не уснула ли наконец? — Павлишин и сам чуть было не погрузился в дрему. Однако громкий необычный металлический стук над головой быстро вывел его из объятий Морфея. Недоуменно покосившись на потолок — и кто там мог топотать на полном ходу поезда? — чиновник снова было прижал затылок к подушечке-думке, прикрыл глаза... Ан нет — наверху опять что-то основательно громыхнуло, будто мешок картошки в пустой ящик кто-то с размаху ссадил. И крик послышался — явный, человеческий крик.

— Мамочка моя! Софочка — ты слыхала? — Павлишин испуганно затормошил дремавшую супругу. — Там, наверху, кто-то есть! Может, разбойники дорожные забралась? Помнишь, Ольга Николаевна рассказывала про страшное приключение в Италии?

Софочка свирепо глянула на мужа:

— Какие разбойники? Господи, покоя от этого пропойцы нету нигде! Пить меньше надобно, горе мое! Только ведь задремала — будит!

— Но я ведь явственно слышал! — настаивал Павлишин, вскочив и напряженно прислушиваясь. — Там, наверху!

Однако шума больше не было. Погодя несколько мгновений, супруга снова с остервенением накинулась на Павла Родионовича. Свой монолог она закончила тем, что схватила дорожный погребец с запасами спиртного и торжествующе заткнула его под подушки, за свою широкую спину.

Приунывший супруг — делать-то нечего! — опять уткнулся в опостылевшее за время путешествия окно, прикидывая так и эдак. Нешто и вправду померещилось?

Глаза Павлишина сонно глядели на мелькающие деревья, как вдруг что-то темное капнуло и размазалось по стеклу короткой дорожкой. Потом рядом с первой каплей появилась вторая, с тонким выгнутым хвостиком... И, наконец, стекло перечеркнула рваная струйка — чиновник теперь явственно видел! — крови...

Совсем по-дамски визжал титулярный советник Павлишин, тыча негнущимся пальцем в оконное стекло вагона, постепенно заливаемое кровью. Не дожидаясь согласия супруги, дёрнул за сонетку вызова проводника так, что шнур где-то оборвался. А когда в коридорную дверь просунулась настороженная физиономия, увенчанная форменной фуражкой, только и показал молча рукой. Приглядевшись, физиономия раскрыла глаза до неестественных пределов, исчезла, и тут же одновременно с ужасающим скрипом металла о металл вагон резко качнуло вперед. Поезд экстренно останавливался.

...Время для противников словно остановилось, оба напряженно ждали условного сигнала к началу боя. Асикага по-прежнему не вынимал катану из-за пояса, лишь положил на рукоятку обе ладони. Берг, стоящий лицом по ходу поезда и щуря глаза от налетавших временами клубов дыма, тоже взялся за саблю обеими руками. Только иначе — в нарушение всех фехтовальных традиций обхватив левой рукой клинок у его вершины.

А локомотив, до сей поры гудевший едва ли не ежеминутно, всё молчал. Углядев, что блестящая нитка рельсового пути впереди паровой машины плавно поворачивает, Берг предупредил противника:

— Осторожнее, сейчас будет поворот!

И тут же заметил упругую белую струю пара, вырвавшуюся из черной паровой трубы. Он *увидел* гудок мгновением прежде, чем *услыхал* его — возможно, именно это спасло Берга.

Гудок словно переключил время с тяжкого ожидания на нестижимую воображением быстроту. С первым его аккордом Асикага молниеносно вырвал свой меч из-за пояса и из ножен одновременно, и без замаха нанес Бергу слева рубящий удар в горизонтальной плоскости. Катана ударила по основанию сабли, которую Берг держал обеими руками, со страшной силой, едва не выбив оружие. Удар был настолько мощным, что острие меча коснулось шеи офицера.

Не успев сообразить, ранен он или нет, Берг уже видел, как тяжелый клинок противника, словно вопреки физическим законам, остановился у его лица и тут же стал возноситься вверх, для завершающего удара. Какой-то первобытный инстинкт бросил молодого офицера не назад, не вбок — а под ноги противника, в то самое мгновение, когда сердито жужжащий меч распорол воздух за его спиной.

Перекатившись вперед и вбок, Берг спешно поднимался на ноги, с отчаянием констатируя, что противник намного быстрее его. Что он просто не успеет отразить третий удар. Асикага, по-кошачьи извернувшись, уже почти нанес этот удар. Клинок летел к левому боку поднимающегося на ноги противника...

Берг одной рукой попытался защититься от удара саблей — с таким же успехом он мог подставить под тяжелый меч легкую тросточку. Катана легко отбросила сабельный клинок и ударила по левой руке Берга — и одновременно сам Асикага получил страшный и неожиданный для него удар крылом семафора¹, мимо которого в тот момент промчался поезд.

---

¹ Семафор — средство сигнализации для подвижного состава железных дорог, представлявшее собой в в конце XIX — начале XX веков металлическую мачту, несущую одно или несколько подвижных перекладин-крыльев. При разрешающем зеленом сигнале семафора крыло находилось в поднятом положении. Как только локомотив проходил мимо мачты, специальный механизм переводил крыло в горизон-

На глазах Берга тело японца с наполовину оторванной головой с сучащими ногами было отброшено на самый край крыши вагона, перекатилось пару раз по инерции и свалилось вниз.

Всё было кончено. А поезд продолжал мчаться вперед...

Последний удар бросил почти поднявшегося на ноги Берга на железную поверхность. Он потряс головой, пытаясь прогнать звон в ушах и вновь попытался подняться, опираясь на здоровую руку с обломком сабли. В раненую левую руку боль вошла только сейчас — жгучая, тянущая, застилающая глаза кровавой пеленой. Берг попытался поднять ее, чтобы осмотреть рану — а рука ниже локтя вдруг повисла, согнувшись в неестественном положении. Она была практически отрублена, и держалась лишь на клочке кожи, да на ткани сорочки.

Плохо дело, успел подумать Берг. Вполголоса подвывая от боли, он высвободил кисть правой руки из петли темляка¹, отрезал обломком сабли кусок ремня и попытался перетянуть руку выше страшной раны. Ухватив один конец ремня зубами, он тут же ощутил горячую струйку, вылетающую у него из глубокой раны на шее. Зажав ее рукой, Берг совсем близко увидел шкатулку японца. Потянулся к ней, отчего кровь снова рванула из шейной раны тугой струей.

Он подтащил к себе шкатулку, искал глазами ключ — ага, вот он, в двух шагах! Берг попытался ползти, однако зацепился за что-то полуотрубленной левой рукой — и от вспышки боли потерял сознание.

Сила инерции от начавшего тормозить через несколько минут поезда не сбросила Берга с крыши только потому, что тело его лежало пластом, чуть наискосок, зацепившись за вентиляционные трубы. Он не почувствовал этого. Не услышал немного перебранку железнодорожного персонала, как его окликали... Не почувствовал, как усатый тормозной кондуктор Трофим, распекаемый старшим, подобрался к нему на четвереньках, попытался повернуть на спину. И тут, увидя обрубок руки, упал в обморок рядом с ним.

тальное положение, а поворачивающийся светофильтр менял цвет сигнала на красный, не разрешающий следующему поезду начать движение по занятому участку.

¹ Темляк — ремень или шнур на эфесе длинноклинкового оружия. Мог быть обязательной частью военной формы или же знаком отличия на наградном оружии в русской армии. Петля из темляка, надетая на кисть руки, служила для предотвращения потери оружия.

Очнулся Берг тоже, как ни странно, от боли — его пытались переложить на появившиеся рядом носилки. Пытаясь сморгнуть застилавшую глаза пелену, офицер слепо зашарил вокруг здоровой рукой, ища шкатулку.

— Шевелится! Живой, стало быть! — донеслось до него откуда-то издали, словно через вату.

— Тю-ю, «живой»!- скептически отозвался другой голос. — Ты погляди, сколь кровивши, пол-крыши залито! Не жилец, нет!

— Шкатулку дайте! — прошептал Берг, продолжая шарить рукой. — Иначе... Иначе всё было напрасно... Шкатулку!

— Чего он бормочет?

— Шкатулку какую-то требуется... Эту, должно! Господи, одной ногой на тот свет снарядился, а туда же, за цапки свои цепляется...

— Дайте мне... дайте шкатулку, в руку...

— Да вот она, вот она, господин хороший! Держи! Не мешай тока, для Бога! Потерпи, дай ты на носилки определить! Ну, народ!

Вцепившись в шкатулку, Берг снова потерял сознание. И уже не слышал, как случившийся в соседнем вагоне доктор из Варшавы сердито распекал железнодорожный персонал за медлительность. Бегло осмотрев раненого, он потребовал немедленной доставки его в больничный стационар. Властный тон доктора оказал на старшего кондуктора магическое действие: он распорядился перенести носилки с раненым в угольный тендер локомотива. Туда же забрался со своим саквояжем и доктор, а кондуктор, приказав машинисту отцепить вагоны, поместился с зажженным красным фонарем на крохотной площадке над передней решеткою паровоза.

Высыпавшие из вагонов пассажиры с живостью обсуждали происшествие, высказывая различные догадки насчет того, что же все-таки произошло на крыше вагона. Если пьяная офицерская дуэль — то где же, позвольте, второй участник? Его не было ни на крыше, ни на железнодорожном полотне позади состава, куда уже успели пробежаться кондуктора. И почему тогда на крыше обнаружен только один сброшенный сюртук? Попытка самоубийства? Тогда откуда, позвольте, взялась вторая сабля столь необычного вида и практически без эфеса?

Ответ на эти вопросы знали, пожалуй, только двое — усатый тормозной кондуктор Трофим, да пассажир того же вагона, титулярный советник Павлишин, видевший, как офицер еще на станции шёл с чудно одетым пассажиром китайского обличья. Однако

первый благоразумно помалкивал, а второй, увидавши обрубок руки и посиневшую кисть, висевшую как тряпка, живо и без малейших возражений со стороны супруги выдул, не прибегая к бокалу, все наличные запасы спиртного из погребца и спал тяжелым пьяным сном...

Опясавшись тучей пара, локомотив тронулся с места, и, набирая скорость, ринулся вперед. Кондуктор знал, что они на «зеленой улице», однако из предосторожности все время размахивал красным фонарем и поминутно, перегнувшись, грозил машинисту кулаком: сигнал, сигнал подавай! Вот локомотив и ревел почти непрерывно, на предельной скорости мчась к Варшаве.

Доктор только морщился от непрерывных гудков, дополняемых на тендере ревом пламени из топки и матерными понуканиями, которые машинист в изобилии адресовал изнемогающему кочегару. Потом, много времени спустя, этот доктор рискнёт написать в «Ланцет» научно обоснованную статью о пользе шума. В ней будет утверждаться, что только непрерывное общение, равно как и постоянный громкий шум, способны удержать находящегося в шоковом состоянии пациента в сознании, и, стало быть, по эту сторону жизни...

Содержание

<i>Пролог</i>	5
Глава первая	10
Глава вторая	29
Глава третья	52
Глава четвертая	73
Глава пятая	91
Глава шестая	106
Глава седьмая	123
Глава восьмая	148
Глава девятая	168
Глава десятая	184
Глава одиннадцатая	200
Глава двенадцатая	211
Глава тринадцатая	231
Глава четырнадцатая	247
Глава пятнадцатая	265
Глава шестнадцатая	281
Глава семнадцатая	299
<i>Эпилог</i>	319

Вячеслав Каликинский

Посол: разорванный остров

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Иллюстрации и суперобложка *Е. Константинова*

Оригинал-макет *Н. Н. Орловская*

Корректор *Д. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж:

fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Историческая книга», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездиковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66

Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.

Тел. (495) 628-64-42

«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₆. Усл. печ. л. 20,04. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №